

Karl Marx
A Sketch by Achille Loria

title page

KARL MARX BY
ACHILLE LORIA
AUTHORISED TRANSLATION FROM THE ITALIAN WITH A
FOREWORD

BY
EDEN & CEDAR PAUL
logo
New York THOMAS SELTZER 1920

Copyright, 1920,
By Thomas Seltzer, Inc.

All Rights Reserved
Printed in the United States of America

The socialism that inspires hopes and fears to-day is of the school of Marx. No one is seriously apprehensive of any other so-called socialistic movement, and no one is seriously concerned to criticise or refute the doctrines set forth by any other school of "socialists."

CONTENTS

Page
FOREWARD [7](#)
CHAPTER I [57](#)
CHAPTER II [73](#)
CHAPTER III [87](#)
CHAPTER IV [112](#)
CHAPTER V [145](#)

КАРЛ МАРКС
Очерк Акилле Лория

титульный лист

КАРЛ МАРКС
АКИЛЛЕ ЛОРИА
АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА С
ПРЕДИСЛОВИЕМ

ЭДЕН И КЕДР ПОЛ
ЛОГОТИП
Нью-Йорк ТОМАС ЗЕЛЬЦЕР 1920

Авторское право, 1920,
Томас Зельцер, Инс.

Все права защищены
Напечатано в Соединенных Штатах Америки.

Социализм, который сегодня вызывает надежды и опасения, принадлежит к школе Маркса. Никто не испытывает серьезных опасений по поводу какого-либо другого так называемого социалистического движения, и никто не занимается серьезной критикой или опровержением доктрин, выдвигаемых какой-либо другой школой «социалистов».

СОДЕРЖАНИЕ

Страница
ПРЕДИСЛОВИЕ [7](#)
ГЛАВА I [57](#)
ГЛАВА II [73](#)
ГЛАВА 3 [87](#)
ГЛАВА IV [112](#)
ГЛАВА V [145](#)

FOREWORD BY EDEN AND CEDAR PAUL

It has been said that the professional and professorial exponents of economic science confine themselves to variants of a single theme. Usually belonging to the master class by birth and education, and at any rate attached to that class by the ties of economic interest, they are ever guided by the conscious or subconscious aim of providing a theoretical justification for the capitalist system, and their lives are devoted to inculcating the art of extracting honey from the hive without alarming the bees. Achille Loria is an exception to this generalisation. Professor of political economy at Turin, and one of the most learned economists of the day, he is anything but an apologist for the bourgeois economy. With the exception of the first volume of Marx's *Capital*, no more telling indictment of capitalism has ever been penned than Loria's *Analysis of Capitalist Property* (1889).

This gigantic work has not been translated, but a number of Loria's books are available to English readers: *The Economic Foundations of Society*, 1902; *Contemporary Social Problems*, 1911; *The Economic Synthesis*, 1914. A biographical and critical study of Malthus, in the Italian, was rendered into English in 1917 and published in the United States as the opening chapter of a symposium on *Population and Birth Control* edited by the writers of this foreword. *The Economic Foundations of Society* has run through five editions in Swan Sonnenschein's (now Allen & Unwin's) "Social Science Series." But on the whole Loria's works are less widely known in England and America than on the continent, far less widely known than they deserve to be.

An exposition of his outlook and a study of his relationship to Marx will not only be of interest in themselves, but will help readers to surmount certain terminological difficulties in the *Karl Marx*. All original thinkers write perforce in a language of their own minting. Those of us to whom "surplus value," the "class struggle," the "materialist conception," "economic determinism," have been familiar concepts from childhood upwards, are apt to forget that Marx's contemporaries were repelled by what they regarded as superfluous jargon. The first students of Kant, the first students of Darwin, the first students of all great innovators in philosophy, science, and the arts, have had to master a new vocabulary before they could understand what these writers were driving at; for new ideas must be conveyed in a new speech or by the use of old words refashioned. We cannot understand Loria, we cannot appreciate Loria's criticism of Marx, we cannot grasp the nature of Loria's own affiliation to Marx, unless we realise precisely what the Italian economist

ПРЕДИСЛОВИЕ ЭДЕМ И СИДАР ПОЛ

Говорят, что профессиональные и профессорские представители экономической науки ограничиваются вариантами одной темы. Обычно принадлежа к господствующему классу по рождению и образованию и, во всяком случае, привязанные к этому классу узами экономического интереса, они всегда руководствуются сознательной или подсознательной целью предоставить теоретическое обоснование капиталистической системы, и их жизнь посвящена внедрению искусства извлечения меда из улья, не тревожа пчел. Акилле Лория является исключением из этого обобщения. Профессор политической экономии в Турине и один из самых ученых экономистов современности, он является кем угодно, только не апологетом буржуазной экономики. **За исключением первого тома «Капитала» Маркса, никогда не было написано более убедительного обвинения капитализму, чем «Анализ капиталистической собственности» Лория (1889).**

Этот гигантский труд не был переведен, но ряд книг Лория доступен англоязычным читателям: «*Экономические основы общества*», 1902; «*Современные социальные проблемы*», 1911; «*Экономический синтез*», 1914. Биографическое и критическое исследование Мальтуса, написанное на итальянском языке, было переведено на английский в 1917 году и опубликовано в Соединенных Штатах в качестве вступительной главы сборника «Население и контроль рождаемости», под редакцией авторов данного предисловия. Книга «*Экономические основы общества*» выдержала пять изданий в серии «Социальные науки» издательства Swan Sonnenschein (ныне Allen & Unwin). Но в целом работы Лории менее известны в Англии и Америке, чем на континенте, и гораздо менее известны, чем они того заслуживают.

Изложение его мировоззрения и изучение его отношений с Марксом не только будут интересны сами по себе, но и помогут читателям преодолеть определенные терминологические трудности в «*Карле Марксе*». Все оригинальные мыслители волей-неволей пишут на языке собственного изобретения. Те из нас, для кого «прибавочная стоимость», «классовая борьба», «материалистическая концепция», «экономический детерминизм» были знакомыми понятиями с детства, склонны забывать, что современники Маркса были отталкиваемы тем, что они считали излишним жаргоном. Первые ученики Канта, первые ученики Дарвина, первые ученики всех великих новаторов в области философии, науки и искусства должны были освоить новый словарный запас, прежде чем они смогли понять, к чему стремились эти писатели; ведь новые идеи должны быть выражены новым языком или с помощью переосмысленных старых слов. Мы не можем понять Лория, мы не можем оценить критику Лория Маркса, мы не можем уловить природу собственной связи Лория с Марксом, если мы не поймем точно, что итальянский экономист подразумевает под внешне знакомыми

means by the speciously familiar terms "income," "subsistence," "unproductive labourers," "recipients of income," and the like. The familiarity of the words makes them all the more misleading to those who do not hold the Lorian clue to guide them through the economic labyrinth. Does this sound alarming? Yet Loria's doctrines, like those of Marx, like those of Darwin, like those of—but we must not say "like those of Kant"—are simplicity itself to anyone who is able to survive the first shock of the encounter, to surmount the first agony of a new idea.

In our own view the difficulty of economics in large part depends upon the fact that it is either a system of apologetics or else a system of attack. There are, in fact, two conflicting sciences: the economic science of the master class, and the economic science of the proletariat. Both are necessarily tendentious, and the conflicting tendencies will remain irreconcilable as long as the class struggle continues. Not until that struggle has been fought to a successful issue, not until the co-operative commonwealth has come into existence, can there be a comparatively dispassionate political economy. As dispassionate as conic sections it can never be, for it is biological, sociological, is by its very nature tinged with human interest, and can therefore never be wholly impartial. But many of the contradictions and perplexities of economics are by no means inherent; they are, we contend, no more than confusing reflexes of the class struggle.

Loria seems to hold a somewhat similar opinion. In *Contemporary Social Problems* (pp. 99, 100) he writes: "I am inclined to consider political economy and socialism as two intellectual weapons which, for a long time separate and mutually antagonistic owing to the apologetic theories of the one and the subversive utopianism of the other, are drawing closer and closer together as they become more human and the old animosities disappear. Perhaps the day is not far distant when the two forces will unite under one standard." To a casual reader this might suggest that Loria thinks that the class struggle, that the conflict between orthodox economics and socialism, can be overcome within the framework of the bourgeois economy—that the capitalist Old-Man-of-the-Sea can at one and the same time remain seated upon the back of the proletarian Sindbad the Sailor, and walk beside him amicably arm in arm as the two climb the mount of human endeavour. But an attentive student of Loria's *Karl Marx* will realise that when the Italian speaks of "a day not far distant," he means the morrow of the social revolution, when Marx's promethean work shall have been completed, and when, led by Marx "the emperor in the realm of mind," the human race shall have reached "the brilliant goal which awaits it in a future not perhaps immeasurably remote" (infra [p. 162](#)).

терминами «доход», «пропитание», «непроизводительные рабочие», «получатели дохода» и тому подобным. Знакомство слов делает их еще более вводными в заблуждение тех, кто не владеет лорианской подсказкой, чтобы провести их по экономическому лабиринту. Звучит тревожно? Однако доктрины Лории, как и доктрины Маркса, как и доктрины Дарвина, как и доктрины... но мы не должны говорить «как доктрины Канта», — являются самой простой вещью для любого, кто способен пережить первый шок от столкновения с ними, преодолеть первую агонию новой идеи.

По нашему мнению, трудность экономики во многом зависит от того, является ли она либо системой апологетики, либо системой нападения. Фактически существуют две конфликтующие науки: экономическая наука господствующего класса и экономическая наука пролетариата. Обе они обязательно тенденциозны, и конфликтующие тенденции будут оставаться непримиримыми до тех пор, пока продолжается классовая борьба. Пока эта борьба не завершится успешным результатом, пока не возникнет кооперативное содружество, не может быть сравнительно бесстрастной политической экономии. Она никогда не может быть беспристрастной, как и конические сечения, поскольку она является биологической, социологической, по своей сути окрашена человеческими интересами и поэтому никогда не может быть полностью беспристрастной. Но многие противоречия и запутанности экономики ни в коем случае не являются неотъемлемыми; мы утверждаем, что они являются не более чем запутанными отражениями классовой борьбы.

Лория, кажется, придерживается несколько похожего мнения. В «*Современных социальных проблемах*» (стр. 99, 100) он пишет: «Я склонен рассматривать политическую экономию и социализм как два интеллектуальных оружия, которые, долгое время разделяясь и взаимно антагонистические из-за апологетических теорий одного и подрывного утопизма другого, сближаются все больше и больше по мере того, как они становятся более человеческими, а старая вражда исчезает. Возможно, недалек тот день, когда эти две силы объединятся под одним знаменем». Для случайного читателя это может означать, что Лория считает, что классовая борьба, что конфликт между ортодоксальной экономикой и социализмом можно преодолеть в рамках буржуазной экономики — что капиталистический Старец-моря может в одно и то же время оставаться сидящим на спине пролетарского Синдбада-морехода и дружелюбно идти рядом с ним рука об руку, пока они оба поднимаются на вершину человеческих устремлений. Но внимательный исследователь книги Лории «*Карл Маркс*» поймет, что когда итальянец говорит о «дне, который недалек», он имеет в виду завтрашний день социальной революции, когда прометеев труд Маркса будет завершен и когда, ведомое Марксом, «императором в царстве разума», человечество достигнет «блестящей цели, которая ждет его в будущем, возможно, не столь отдаленном» (см. ниже [стр. 162](#)).

Для Лория, одного из величайших ныне живущих поборников доктрины экономического детерминизма, не составляет труда примирить эту доктрину с

For Loria, one of the greatest living champions of the doctrine of economic determinism, sees no difficulty in reconciling that doctrine with a firm belief in the magistral efficacy, at the stage which evolution has now reached, of the deliberate human will. "The economic natural force," writes Eduard Bernstein (*Evolutionary Socialism*, p. 14), "like the physical, changes from the ruler of mankind to its servant, according as its nature is recognised." Herein is embodied the application in the special economic field of the profound general truth that by scientific study man, the child of nature, learns to control nature, and thereby to mould his own being and social environment in accordance with the dictates of his own enlightened will. Similarly Loria is far from the rigid economic determinism which would refuse to admit the existence of "ideal" causation, or the possibility in the sphere of sociology of intelligently adapting means to ends. "Idealism" is a word which has been soiled by such ignoble use that one really hesitates to employ it; but we must distinguish between idealism and sentimentalism, and between idealism and window dressing.

The right sort of idealism is realist idealism, and Loria is a realist idealist. He distinguishes clearly between fatalism and quietism, on the one hand, and economic determinism tempered by rationalist guidance, on the other.

In *The Economic Foundations of Society* (pp. 376 et seq.) he writes: "Can we say that a doctrine leads to fatalism which concedes a fertile field to human activity, and which only seeks to mark out the limits within which such efforts may be applied? Can we give the name of quietism to a theory whose aims lie in the direction of substituting enlightened action, aware of its ends, for blind and ignorant innovation which is powerless to realise its purposes?... Turning to consider the great social transformations which alter the structure of property, our theory does, it is true, deny that such movements can be effected before the necessary change in economic conditions has rendered them inevitable; but far from this conclusion leading to the degradation of human nature, it seems to us to inspire the highest sentiments. If we examine the great spontaneous movements that have sought to modify economic conditions before their time, we shall find that they all lacked definite purpose. There was no clear idea of the new order of things to be substituted for the old; on this account these movements were wanting in discipline; they were anarchic, and hence their lack of effect. Our theory, on the contrary, declares that it is first of all necessary to learn the nature of the future social system, and, after this knowledge has been acquired, to substitute a co-ordination of effort towards this rigorously determined end for the blind and disorganised attempts that have thus far been made in this direction.... Far from leading towards fatalism our theory tends to encourage rational human activity, which alone can

твердой верой в магистральную эффективность, на той стадии, которой сейчас достигла эволюция, преднамеренной человеческой воли. «Экономическая природная сила», пишет Эдуард Бернштейн (*Evolutionary Socialism*, стр. 14), «подобно физической, превращается из правителя человечества в его слугу в зависимости от того, насколько осознается ее природа». Здесь воплощено применение в специальной экономической области глубокой общей истины, что посредством научного изучения человек, дитя природы, учится контролировать природу и тем самым формировать свое собственное бытие и социальную среду в соответствии с диктатом своей собственной просвещенной воли. Аналогично Лория далек от жесткого экономического детерминизма, который отказался бы признать существование «идеальной» причинности или возможность в сфере социологии разумного приспособления средств к целям. «Идеализм» — это слово, которое было осквернено таким неблагородным употреблением, что его действительно не решаются употреблять; но мы должны различать идеализм и сентиментализм, а также идеализм и показную халтуру.

Правильный идеализм — это реалистический идеализм, а Лория — реалистический идеалист. Он четко различает фатализм и квиетизм, с одной стороны, и экономический детерминизм, смягченный рационалистическим руководством, с другой.

В «*Экономических основах общества*» (стр. 376 и далее) он пишет: «Можем ли мы сказать, что доктрина ведет к фатализму, которая предоставляет плодородное поле для человеческой деятельности и которая стремится лишь обозначить границы, в которых такие усилия могут быть применены? Можем ли мы назвать квиетизмом теорию, цели которой лежат в направлении замены просвещенного действия, осознающего свои цели, на слепое и невежественное новаторство, которое бессильно реализовать свои цели?... Обращаясь к рассмотрению великих социальных преобразований, которые изменяют структуру собственности, наша теория, правда, отрицает, что такие движения могут быть осуществлены до того, как необходимое изменение экономических условий сделает их неизбежными; но далекий от этого вывода, ведущего к деградации человеческой природы, он, как нам кажется, внушает самые высокие чувства. Если мы рассмотрим великие стихийные движения, которые стремились изменить экономические условия до своего времени, мы обнаружим, что все они не имели определенной цели. Не было ясного представления о новом порядке вещей, который должен был заменить старый; по этой причине эти движения были лишены дисциплины; они были анархичны, и отсюда их отсутствие эффекта. Наша теория, напротив, заявляет, что прежде всего необходимо изучить природу будущей социальной системы, и после того, как это знание будет приобретено, заменить координацией усилий по достижению этой строго определенной цели слепые и неорганизованные попытки, которые до сих пор предпринимались в этом направлении.... Далекая от того, чтобы вести к фатализму, наша теория стремится поощрять рациональную человеческую деятельность, которая одна может предотвратить или, по крайней мере, смягчить путаницу, в противном случае сопутствующую социальной метаморфозе.... Таким образом, открывается

prevent, or at least mitigate, the confusion otherwise attendant upon the social metamorphosis.... A wide field is thus opened to human activity, and it is certainly a noble mission for mankind to withdraw social development from the operation of the blind and brutal forces of physical evolution and to submit the process to the kindlier and more civilised action of human reason."

The definitive exposition of Loria's views is to be found in *The Economic Synthesis*; but since in his theory of social evolution the effects of increasing population play so notable a part, reference must first be made to his examination of Malthus' theory of population. At the outset, however, let us recall Marx's attitude to the Malthusian doctrine.

Marx rejected the idea that, for human beings, population tends to grow in such a manner as necessarily to press on the means of subsistence. Though he accepted Darwinism and had a profound admiration for Darwin, as far as the human species is concerned he rejected Malthusianism (on which Darwinism is based), and wrote of Malthus in terms of bitter personal hostility. The animus we may ignore, but the arguments are worth recapitulating. Pressure of population, he says, is the outcome of capitalism. On p. 645 of *Capital* Marx writes: "The labouring population ... produces, along with the accumulation of capital produced by it, the means by which it is itself made relatively superfluous, is turned into a relatively surplus population, and it does this always to an increasing extent. This is a law of population peculiar to the capitalist mode of production, and in fact every special historic mode of production has its own special laws of population, historically valid within its limits alone. An abstract law of population exists for plants and animals only, and only in so far as man has not interfered with them." Later in the same chapter he says (in effect) that undue fertility is characteristic of poverty-stricken circumstances, and that with improved conditions the population difficulty tends to settle itself.

We shall see that Loria says much the same thing, and shall consider the assertion presently. At a later date (1875) Marx writes somewhat more guardedly. In his *Criticism of the Gotha Programme* the reference to the Malthusian doctrine of population runs as follows: "But if I accept this law [the iron law of wages] as formulated by Lassalle, I must likewise accept its foundation. What is this foundation? As F. A. Lange showed shortly after Lassalle's death, the iron law of wages is founded upon Malthus' theory of population, a theory which Lange himself espoused. Now if the iron law of wages be correct, it is impossible to abrogate it, even if we should do away with wage labour a hundred times over, for not the wage system alone, but every social system, must be governed by the law. Upon this foundation, for fifty years and more, economists have continued to demonstrate that socialism

широкое поле для человеческой деятельности, и для человечества, безусловно, благородная миссия - вывести социальное развитие из-под действия слепых и грубых сил физической эволюции и подчинить этот процесс более доброму и более цивилизованному действию человеческого разума".

Окончательное изложение взглядов Лория можно найти в «*Экономическом синтезе*»; но поскольку в его теории социальной эволюции эффекты роста населения играют столь заметную роль, необходимо сначала обратиться к его исследованию теории народонаселения Мальтуса. Однако вначале давайте вспомним отношение Маркса к мальтузианской доктрине.

Маркс отверг идею о том, что для людей население имеет тенденцию расти таким образом, что неизбежно давит на средства существования. Хотя он принимал дарвинизм и глубоко восхищался Дарвином, что касается человеческого вида, он отвергал мальтузианство (на котором основан дарвинизм) и писал о Мальтусе с точки зрения ожесточенной личной враждебности. Мы можем игнорировать враждебность, но аргументы стоит перечислить. Давление населения, говорит он, является результатом капитализма. На стр. 645 «*Капитала*» Маркс пишет: «Рабочее население... производит, наряду с накоплением производимого им капитала, средства, посредством которых оно само делается относительно излишним, превращается в относительно избыточное население, и делает это все в возрастающей степени. Это закон народонаселения, свойственный капиталистическому способу производства, и в действительности каждый особый исторический способ производства имеет свои собственные особые законы народонаселения, исторически действительные только в его пределах. Абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных, и только постольку, поскольку человек не вмешивался в них». Далее в той же главе он говорит (по сути), что чрезмерное плодородие характерно для обстоятельств, пораженных бедностью, и что с улучшением условий трудности народонаселения имеют тенденцию к самоурегулированию.

Мы увидим, что Лория говорит примерно то же самое, и рассмотрим это утверждение сейчас. Позднее (1875) Маркс пишет несколько более осторожно. В своей «*Критике Готской Программы*» ссылки на мальтузианскую доктрину народонаселения звучит следующим образом: «Но если я принимаю этот закон [железный закон заработной платы], как он сформулирован Лассалем, я должен также принять его основу. Что это за основа? Как показал Ф. А. Ланге вскоре после смерти Лассалю, железный закон заработной платы основан на теории народонаселения Мальтуса, теории, которую поддерживал сам Ланге. Теперь, если железный закон заработной платы верен, его невозможно отменить, даже если мы уничтожим наемный труд сто раз, ибо не только система наемного труда, но и всякая социальная система должна регулироваться законом. На этой основе в течение пятидесяти лет и более экономисты продолжали доказывать, что социализм никогда не сможет подавить бедность, которую они считают результатом природы вещей. Социализм, заявляют они, может только обобщить

could never suppress poverty, which they regard as resulting from the nature of things. Socialism, they declare, can only generalise poverty, can only diffuse it simultaneously over the whole surface of society!"

Does it not almost seem as if Marx, by 1875, had, for a moment at least, glimpsed the real difficulty? For if we grant for the sake of argument that the excess of population under capitalism be only a relative excess, if we grant that each historic mode of production has its own special law of population, the question we have to ask ourselves as socialists is, "What will be the law of population under socialism?" May not socialism tend to promote an *absolute* excess of population? Will not natural increase, stimulated by easy circumstances, threaten the stability of the system unless the growth of population be deliberately checked? Will not the inhabitants of each area have to specify some limit beyond which it is undesirable that the population of that area should increase? Ways and means, social and individual, lie beyond our present scope. But in our opinion Paul Lafargue, Henry George, and many others who have written on this question, and who have endeavoured to meet the Malthusian difficulty by a simple denial of the facts upon which "Parson Malthus" grounded his theory, have displayed more zeal than knowledge. As Karl Pearson wrote thirty years ago: "Marx by abusing Malthus has not solved the population difficulty"; and we agree with the same writer that "the acceptance of the law discovered by Malthus is an essential of any socialistic theory which pretends to be scientific"; but happily it is no longer true that "Kautsky seems to stand alone among socialists in accepting the Malthusian law and its consequences" (*The Ethic of Free-thought*, 1888, pp. 438-9).

Loria's treatment of the subject is closely akin to that of Marx, though Loria differs from Marx in that he speaks with admiration, nay almost with veneration, of the author of *The Principles of Population*. As regards the main issue, Loria contends that while Malthus elucidated a profoundly important truth, he erred in respect of many of its applications. In present conditions, i.e., under capitalism, says Loria, there is no excess of population over food supply, but merely (in certain countries) an excess of people in relation to the privately owned capital which is able to secure profitable investment. Hence, as a result not of over-population but simply of capitalist conditions, we have in addition to the mass of the workers who obtain subsistence, on the one hand an owning class with a superfluity, and on the other a parasitic class of dependents, paupers, semi-criminals, and criminals.

He contends, further, that Malthus' theory is invalidated by the ascertained fact that, as far as human beings are concerned, an excess of food over population does not necessarily lead to an increase in the birth rate—that a rising standard of life is nowadays apt to be characterised by diminished procreation.

нищету, может только одновременно распространить ее по всей поверхности общества!

Разве не кажется, что Маркс к 1875 году, по крайней мере на мгновение, осознал реальную трудность? Ведь если мы допустим ради аргумента, что избыток населения при капитализме будет лишь относительным избытком, если мы допустим, что каждый исторический способ производства имеет свой собственный особый закон народонаселения, то вопрос, который мы должны задать себе как социалисты, звучит так: «Каков будет закон населения при социализме?» Разве социализм не может способствовать *абсолютному* избытку населения? Разве естественный прирост, стимулируемый легкими обстоятельствами, не будет угрожать стабильности системы, если рост населения не будет намеренно сдерживаться? Разве жители каждой области не должны будут указать некоторый предел, за пределами которого нежелательно, чтобы население этой области увеличивалось? Пути и средства, общественные и индивидуальные, лежат за пределами наших нынешних возможностей. Но, по нашему мнению, Поль Лафарг, Генри Джордж и многие другие, писавшие по этому вопросу и пытавшиеся ответить на мальтузианскую трудность простым отрицанием фактов, на которых "пастор Мальтус" основывал свою теорию, проявили больше рвения, чем знаний. Как писал Карл Пирсон тридцать лет назад: "Маркс, злоупотребляя Мальтусом, не решил трудность народонаселения"; и мы согласны с тем же автором, что "принятие закона, открытого Мальтусом, является неотъемлемой частью любой социалистической теории, которая претендует на научность"; но к счастью, больше не верно, что «Каутский, похоже, единственный среди социалистов, кто принимает мальтузианский закон и его последствия». (*Этика свободомыслия*, 1888, стр. 438-9).

Трактовка Лория этого предмета очень близка Марксу, хотя Лория отличается от Маркса тем, что он говорит с восхищением, даже почти с благоговением, об авторе «*Основ народонаселения*». Что касается главного вопроса, Лория утверждает, что, хотя Мальтус и разъяснил глубоко важную истину, он ошибался в отношении многих ее приложений. В современных условиях, т. е. при капитализме, говорит Лория, нет избытка населения над продовольственным снабжением, а есть лишь (в некоторых странах) избыток людей по отношению к частному капиталу, который способен обеспечить прибыльные инвестиции. Следовательно, в результате не перенаселения, а просто капиталистических условий, мы имеем в дополнение к массе рабочих, которые получают средства к существованию, с одной стороны, класс собственников с избытком, а с другой — паразитический класс иждивенцев, нищих, полупреступников и преступников.

Он утверждает далее, что теория Мальтуса недействительна из-за установленного факта, что, применительно к людям, избыток пищи по сравнению с населением не обязательно приводит к увеличению рождаемости, — что растущий уровень жизни в настоящее время склонен характеризоваться уменьшением деторождения. Говоря о некоторых постмальтузианских

Speaking of certain postmalthusian applications of Malthus' theory, he writes (*Contemporary Social Problems*, p. 79): "Some also suggest various physiological expedients—the obscene abominations of the so-called neomalthusians—to limit population. Do they not see that there is no excess of mouths to be fed, and that procreation will of itself diminish with the amelioration of the condition of the working classes, without recourse to loathsome and unnatural practices?"

In this passage, as repeatedly in his *Malthus*, Loria fails oddly (for so acute a mind) in his analysis of operating causes. As the result of a rising standard of life—consequent upon improved economic conditions among the proletariat—the workers, we are told (*Malthus*, p. 80), "become less prolific." Thus the growth of population is "automatically" regulated by economic means, and there is no need to have recourse to "physiological expedients" to limit population. Yet he nowhere endeavours to elucidate the working of this economic factor in the biologic field, or to show how it can possibly operate unless precisely in virtue of what he is so strangely and so inconsistently moved to condemn, viz., the deliberate application of increasing physiological knowledge by individual couples in order to regulate the number of their offspring. In a word, by birth control.

As far as past stages of economic evolution are concerned, the transition from primitive tribal communism to slavery, from slavery to serfdom and the guild system, and from these to capitalism, Loria himself insists that the prime motive force has been the pressure of increasing population on the means of subsistence. Thus in *Contemporary Social Problems* (pp. 128 et seq.) he writes: "We easily understand how evolution takes place in the sphere of economic phenomena provided we steadfastly hold in mind the simple premise that ceaseless increase in population makes necessary the occupation and cultivation of lands ever less fertile, hence requiring more efficacious means of production to combat the increasing resistance of matter. Given, therefore, a certain density of population and a certain degree of fertility of cultivated land, there is rendered not only possible, but also necessary, a determinate economic system permitting human labour to attain a commensurate productivity; but population increasing, and the necessity of cultivating less fertile lands becoming urgent, the economic system hitherto existing proves inadequate, since the degree of productivity which it permits to labour is insufficient to combat matter now become more rebellious. As the economic and productive system which corresponded with the preceding degree of the productivity of the soil has grown incompatible with the new and more exacting conditions, it must be supplanted by a better system. Then follows an epoch of social disintegration which destroys the superannuated form, from whose ashes a new structure arises; on the ruins of the shattered economic system is erected a

применениях теории Мальтуса, он пишет (*Современные социальные проблемы*, стр. 79): «Некоторые также предлагают различные физиологические уловки — непристойные мерзости так называемых неомальтузианцев — для ограничения населения. Разве они не видят, что нет избытка ртов, которых нужно кормить, и что деторождение само собой уменьшится с улучшением положения рабочих классов, без обращения к отвратительным и противоестественным практикам?»

В этом отрывке, как и неоднократно в его «*Мальтусе*», Лория странным образом (для столь проницательного ума) терпит неудачу в своем анализе действующих причин. В результате повышения уровня жизни — вследствие улучшения экономических условий среди пролетариата — рабочие, как нам говорят (*Мальтус*, стр. 80), «становятся менее плодовитыми». Таким образом, рост населения «автоматически» регулируется экономическими средствами, и нет необходимости прибегать к «физиологическим уловкам» для ограничения населения. Однако он нигде не пытается прояснить работу этого экономического фактора в биологической области или показать, как он может действовать, если только не в силу того, что он так странно и непоследовательно склонен осуждать, а именно, преднамеренное применение растущих физиологических знаний отдельными парами для регулирования численности их потомства. Одним словом, путем контроля рождаемости.

Что касается прошлых этапов экономической эволюции, перехода от первобытного племенного коммунизма к рабству, от рабства к крепостному праву и гильдейской системе, а от них к капитализму, то сам Лория настаивает на том, что главной движущей силой было давление растущего населения на средства к существованию. Так, в книге «*Современные социальные проблемы*» (стр. 128 и далее) он пишет: «Мы легко понимаем, как происходит эволюция в сфере экономических явлений, если твердо помнить простую предпосылку, что непрерывный рост населения делает необходимым освоение и возделывание все менее плодородных земель, а значит, требует более эффективных средств производства для преодоления растущего сопротивления материи. Таким образом, при определенной плотности населения и определенной плодородности возделываемых земель становится не только возможным, но и необходимым создание определенной экономической системы, позволяющей человеческому труду достичь соразмерной производительности; но с ростом населения и острой необходимостью возделывания менее плодородных земель существующая до сих пор экономическая система оказывается неадекватной, поскольку степень производительности, которую она позволяет достичь труду, недостаточна для преодоления сопротивления материи, ставшей теперь более упорной. Поскольку экономическая и производственная система, которая соответствовала прежней степени продуктивности почвы, стала несовместимой с новыми, более строгими условиями, она должна быть заменена более совершенной системой. Затем наступает эпоха социальной дезинтеграции, которая разрушает устаревшую форму, из пепла которой возникает новая структура; на руинах разрушенной экономической системы возводится новая, которая позволяет человеческой

new one which allows human nature to become more productive, and is therefore adapted, for a time, to combat the increasing resistance of matter. However, with each additional increment to population, a moment comes when it is necessary to bring under cultivation lands which are still more resistant, and for the development of which the prevailing economic system is found to be inadequate; consequently this system suffers the fate of those which have preceded it, and it is in turn destroyed to give place to a new and superior form."

The detailed application of these ideas is one of the main themes of Loria's *Analysis of Capitalist Property*. We learn, he says, from history and statistics that capitalistic property (the term is here used by Loria in the widest sense to include all the forms of property which render possible the exploitation of one human being by another) is everywhere and at all times due to one and the same cause, the suppression of free land. As long as there is any free land, as long as any man who so desires can take possession of a piece of land and develop it by his labour, capitalistic property is impossible, because no man will willingly work for another when he can establish himself for his own account on a piece of land without paying for it. Where there is free land, labour owns the means of production, so that agriculture is carried on by free peasants on small holdings, whilst manufacturing industry (in so far as this exists at such a stage) is in the hands of independent artisans. In these conditions labour is isolated, and isolated labour rarely produces anything more than the labourer's subsistence. The regular supplementary production of "income" is the characteristic feature of associated labour.

This brings us to *The Economic Synthesis*, a work which bears as sub-title "A Study of the Laws of Income." It is, Loria tells us, "the complement and the theoretic crown" of all his earlier writings. The meaning he attaches to the word income is, in truth, simple enough; but that meaning is the very core of Lorianism, just as surplus value is (for many) the very core of Marxism. Isolated labour, labour of the kind described in the last paragraph, produces, says Loria, first of all subsistence—the bare necessities of life. In exceptionally favourable conditions even isolated labour may produce something more than this, and that something more is income. But as a rule, and more and more as population increases and land of diminishing fertility has to be brought under cultivation, *isolated* labour fails to produce anything beyond subsistence, fails to produce even that, so that it becomes necessary to have recourse to the superior productivity of *associated* labour. Now for this, since the natural man is averse from associated labour, some form of *coercion*, direct or indirect, is essential; and the history of all the developed economic

природе стать более продуктивной и поэтому на время приспосабливается к борьбе с растущим сопротивлением материи. Однако с каждым дополнительным приростом населения наступает момент, когда необходимо возделывать еще более сопротивляющиеся земли, для развития которых существующая экономическая система оказывается неадекватной; в результате эта система терпит ту же участь, что и предшествующие ей, и в свою очередь разрушается, уступая место новой, более совершенной форме».

Подробное применение этих идей является одной из главных тем *анализа капиталистической собственности* Лориа. Он говорит, что из истории и статистики мы узнаем, что капиталистическая собственность (термин здесь используется Лориа в самом широком смысле, чтобы включить все формы собственности, которые делают возможной эксплуатацию одного человека другим) везде и во все времена обусловлена одной и той же причиной — ограничением свободного доступа к земле. Пока есть свободная земля, пока любой человек, который этого желает, может завладеть участком земли и развивать его своим трудом, капиталистическая собственность невозможна, потому что ни один человек не будет добровольно работать на другого, когда он может обосноваться за свой счет на участке земли, не платя за него. Там, где есть свободная земля, труд владеет средствами производства, так что сельское хозяйство ведется свободными крестьянами на небольших участках, в то время как обрабатывающая промышленность (насколько она существует на такой стадии) находится в руках независимых ремесленников. В этих условиях труд изолирован, и изолированный труд редко производит что-либо большее, чем средства к существованию рабочего. Регулярное дополнительное производство «дохода» является характерной чертой ассоциированного труда.

Это приводит нас к «*Экономическому синтезу*», работе, которая носит подзаголовок «Исследование законов дохода». Это, как говорит нам Лориа, «дополнение и теоретическая корона» всех его ранних трудов. Значение, которое он придает слову «доход», по правде говоря, достаточно просто; но это значение является самой сутью лорианизма, так же как прибавочная стоимость является (для многих) самой сутью марксизма. Изолированный труд, труд того рода, который описан в последнем абзаце, производит, говорит Лориа, прежде всего средства к существованию — самые необходимые для жизни вещи. В исключительно благоприятных условиях даже изолированный труд может производить нечто большее, чем это, и это нечто большее — доход. Но, как правило, и все больше и больше по мере того, как население растет, а земли с уменьшающимся плодородием должны быть подчинены обработке, *изолированный* труд не производит ничего, кроме средств к существованию, не производит даже этого, так что возникает необходимость прибегнуть к высшей производительности ассоциированного труда. Для этого, поскольку естественный человек не приемлет ассоциированного труда, необходима некоторая форма *принуждения*, прямая или косвенная; и история всех развитых

systems that have hitherto prevailed is the history, in one form or another, of the *coercion to associated labour*.

Income, in the Lorian sense of the term, is "the specific product of associated labour"; i.e., it is the surplus produced by labour because it is associated, over and above what the labourers could have produced in isolation. Working in isolation they produce, or theoretically might have produced, subsistence for themselves; associated they produce something more, which is income, and this accrues to those who control and direct the associating force.

In primitive tribal communism that force emanates from the collectivity of economic equals, and the "undifferentiated income" is communally owned and consumed. But subsequently "differentiated income," received by non-labourers, makes its appearance. In slave-owning communities, differentiated income goes to the slave owners; in feudal serfdom, it accrues to the baronage; under modern capitalist conditions the dispossessed proletarian masses produce of course their own subsistence, and produce in addition income for the legal owners of land and capital. Slave owners, barons, capitalists, are in successive stages the "recipients of [differentiated] income."

Throughout the history of these economic phases there has been a conflict between the interests of the labourers and those of the recipients of income, taking the form, in times of exceptional stress, of slave insurrections and slave wars, of jacqueries and ruthless reprisals by the baronage, of strikes and lock-outs. Here we have one aspect of what Loria terms "the struggle between subsistence and income," and this aspect coincides obviously enough with one aspect of the Marxist class struggle.

The association of labour is the prime cause of labour's enhanced productivity. But while the association increases productivity, the coercion that is requisite to secure association exercises a restrictive influence upon productivity, the restriction being more marked in proportion to the severity of the coercion. Thus the crude and harsh coercion of the slave-owning system makes slave labour (in part for psychological reasons dependent upon the mentality of the labourer) less productive than serf labour under the feudal system, wherein coercion was somewhat milder. In modern capitalism coercion, though still very real, is veiled, and for this reason (quite apart from the peculiar advantages of machinofacture) associated labour is more productive under capitalism.

It is the superior productivity of each successive system which has rendered it victorious over its predecessor. With the dry light of economic science Loria displays for us the working of the type of production dominant to-day, the most effective system of production the world has yet known.

экономических систем, которые до сих пор преобладали, является историей, в той или иной форме, принуждения *к ассоциированному труду*.

Доход, в лорианском смысле этого термина, является «специфическим продуктом ассоциированного труда»; т. е. это излишек, произведенный трудом, поскольку он ассоциирован, сверх того, что рабочие могли бы произвести в изоляции. **Работая в изоляции, они производят или теоретически могли бы произвести средства к существованию для себя; ассоциированные они производят нечто большее, что является доходом, и он достается тем, кто контролирует и направляет ассоциированную силу.**

В примитивном племенном коммунизме эта сила исходит из коллективности экономических равных, а «недифференцированный доход» находится в коллективной собственности и потребляется. Но впоследствии появляется «дифференцированный доход», получаемый нетрудящимися. В рабовладельческих обществах дифференцированный доход достается рабовладельцам; в феодальном крепостном праве он достается баронам; в современных капиталистических условиях обездоленные пролетарские массы, конечно, сами производят себе пропитание и производят, кроме того, доход для законных владельцев земли и капитала. Рабовладельцы, бароны, капиталисты на последовательных стадиях являются «получателями [дифференцированного] дохода».

На протяжении всей истории этих экономических фаз существовал конфликт между интересами рабочих и интересами получателей дохода, принимая форму, во времена исключительного напряжения, восстаний рабов и войн рабов, жакерий и безжалостных репрессий баронства, забастовок и локаутов. Здесь мы имеем один аспект того, что Лория называет «борьбой между существованием и доходом», и этот аспект достаточно очевидно совпадает с одним аспектом марксистской классовой борьбы.

Объединение труда является первопричиной повышения производительности труда. Но в то время как объединение увеличивает производительность, принуждение, необходимое для обеспечения объединения, оказывает на производительность ограничивающее влияние, причем ограничение становится более выраженным пропорционально строгости принуждения. Таким образом, грубое и жесткое принуждение рабовладельческой системы делает рабский труд (отчасти по психологическим причинам, зависящим от менталитета рабочего) менее производительным, чем крепостной труд при феодальной системе, где принуждение было несколько мягче. В современном капитализме принуждение, хотя и все еще очень реально, завуалировано, и по этой причине (совершенно независимо от особых преимуществ машиностроения) объединенный труд более производительен при капитализме.

Именно превосходящая производительность каждой последующей системы сделала ее победоносной над предыдущей. С сухим светом экономической науки Лория демонстрирует нам работу доминирующего сегодня типа производства, наиболее эффективной системы производства, которую когда-либо знал мир.

Such is Loria's outline picture of the succession of economic phases.

It is impossible here to trace the Italian economist's detailed analysis of the causes which lead to the break up of one economic system and its replacement by another. Suffice it to say that in his view an important part is played by the action of those whom he calls "unproductive labourers," members of the educated caste living also on differentiated income, on portions of income reallocated by the primary recipients of income, whose interests, in the prosperous phase of any system of income, the educated caste is thus paid to serve. A typical service is that of the priestly order, which is maintained "to pervert the egoism" of the labourers, to delude them into the belief that they are pursuing their own better interests by peacefully and diligently producing income for the master class.

But in the declining phase of any economic system (and Loria considers that the wage system of capitalism has now, despite its imposing appearance, actually entered its declining phase), the diminution of income curtails the amount available for reallocation to the unproductive labourers. Hence from supporters of the existing system they are speedily transformed into its active opponents. These "intellectuals" now make common cause with the labourers, the disinherited of the earth; and the old property system totters to its fall.

He writes (*The Economic Foundations of Society*, p. 347): "All revolutions undertaken by the non-proprietary classes alone, without the support of the unproductive labourers, are ... foredoomed to failure. The rebels, divided and disorganised, not at all sure of themselves and uncertain of the ends they would attain, soon fall back under the dominion of the proprietary class.... The ancient economy was not destroyed by the revolt of the slaves, nor was the ruin of the medieval economy effected by the armed uprising of the serfs. These two economic systems did not succumb until the clients of the Roman economy and the ecclesiastics of the medieval economy were induced by a falling-off of their share in the constantly decreasing revenues [income] to break their long-standing alliance with the revenue holders [recipients of income] and to lend their support to the final revolt of the labouring classes." To the Lorian theory of revolution we shall return in conclusion, after we have discussed the relationships of Loria to Marx. The theory involves tactical questions of the utmost interest and importance. Apart from these, the crux of the problem of transition to the co-operative commonwealth centres, as most thoughtful socialists are coming to see, around the question of the coercion to associated labour. A fundamental part of the socialist outlook is the belief that the existence of a special class of recipients of income, whether these be slave

Такова общая картина последовательности экономических фаз, нарисованная Лориа.

Здесь невозможно проследить детальный анализ итальянским экономистом причин, которые приводят к распаду одной экономической системы и замене ее другой. Достаточно сказать, что, по его мнению, важную роль играет деятельность тех, кого он называет «непроизводительными рабочими», членов образованной касты, живущих также на дифференцированный доход, на части дохода, перераспределяемые первичными получателями дохода, чьи интересы, в процветающей фазе любой системы дохода, образованная каста, таким образом, получает за обслуживание. Типичной службой является служба священнического ордена, которая поддерживается «для извращения эгоизма» рабочих, чтобы ввести их в заблуждение, заставив поверить, что они преследуют свои собственные лучшие интересы, мирно и усердно производя доход для класса господ.

Но в фазе упадка любой экономической системы (а Лориа считает, что система наемного труда капитализма, несмотря на свой внушительный вид, в настоящее время фактически вступила в фазу упадка), уменьшение дохода сокращает сумму, доступную для перераспределения непроизводительным рабочим. Поэтому из сторонников существующей системы они быстро превращаются в ее активных противников. Эти «интеллектуалы» теперь действуют сообща с рабочими, лишенными наследства земли; и старая система собственности шатается к своему падению.

Он пишет (*Экономические основы общества*, стр. 347): «Все революции, предпринятые неимущественными классами в одиночку, без поддержки непроизводительных рабочих, ... обречены на неудачу. Мятежники, раздробленные и дезорганизованные, совсем не уверенные в себе и не уверенные в целях, которых они достигнут, вскоре снова попадают под власть имущественного класса... Античная экономика не была разрушена восстанием рабов, а крушение средневековой экономики не было вызвано вооруженным восстанием крепостных. Эти две экономические системы не пали до тех пор, пока клиенты римской экономики и духовенство средневековой экономики не были побуждены падением своей доли в постоянно уменьшающихся доходах [income] разорвать свой давний союз с держателями доходов [accountants] и оказать свою поддержку последнему восстанию трудящихся классов». К теории революции Лориа мы вернемся в заключение, после того как обсудим отношения Лориа с Марксом. Теория затрагивает тактические вопросы первостепенного интереса и важности. Помимо этого, суть проблемы перехода к кооперативному содружеству, как начинают видеть большинство вдумчивых социалистов, сосредоточена вокруг вопроса принуждения к ассоциированному труду. Фундаментальной частью социалистического мировоззрения является убеждение, что существование особого класса получателей дохода, будь то рабовладельцы, феодальные бароны или легальные монополисты земли и капитала, не является необходимым для современной цивилизации. Мы

owners, feudal barons, or legal monopolists of land and capital, is not needful to modern civilisation. We affirm that the disappearance of such a class (though that class may have played a necessary part in social evolution) can now be witnessed by the enlightened without a single regret. But what is to ensure the continuance of that high social productivity which will be necessary to the maintenance of general wellbeing? Now that our race is at length becoming truly self-conscious, will it be possible "to transform the economic natural force from the ruler of mankind to its servant?"

The closing sentences of *The Economic Synthesis* show in outline how Loria envisages that possibility: "The essential social contradiction can be eliminated, economic equilibrium can be established, only by means of a profound transformation, affecting not merely the process of distribution but also the process of production, relieving this latter process from the coercion which has hitherto environed it and restricted its efficiency; in other words by the destruction of the coercive association of labour and its replacement by the free association of labour. Herein is to be found the supreme objective towards which must converge all the forces of social renovation." And in a terminal footnote he adds: "This is now understood by all the most enlightened economists, not excepting the socialists, who point out that a reform which effects no more than the distribution of income among the proletarians, while leaving unaffected the method by which that income is actually produced, would have no more than an extremely restricted and fugitive effect; and that a decisive and durable social renovation must be initiated by a radical metamorphosis in the process of production."

We have now to ask, what does Loria consider the most important elements of Marxist teaching? In his account of the *Communist Manifesto* (infra [p. 68](#)) he tells us that "this writing contains the whole Marxist system in miniature, and ... supplies a critique of all doctrinaire, idealist, and utopian forms of socialism. Thus the *Manifesto* voices the two fundamentals of Marxism: the dependence of economic evolution upon the evolution of the instrument of production, in other words the *technicist determination of economics*; and the derivation of the political, moral, and ideal order from the economic order, in other words the *economic determination of sociology*—or, as we should express it to-day, historical materialism."

On [pp. 145 and 146](#) he tells us that we must "recognise in Marx the supreme merit of having been the first to introduce the evolutionary concept into the domain of sociology, the first to introduce it in the only form appropriate to social phenomena and social institutions; not as" an "unceasing and gradual upward movement," but as a "succession of age-long cycles rhythmically interrupted by revolutionary explosions." Speaking of Marx's "masterly investigation into the successive forms of the technical instrument, of

утверждаем, что исчезновение такого класса (хотя этот класс, возможно, играл необходимую роль в социальной эволюции) теперь может быть засвидетельствовано просвещенными людьми без единого сожаления. Но что должно гарантировать продолжение той высокой социальной производительности, которая будет необходима для поддержания всеобщего благосостояния? Теперь, когда наша раса наконец-то становится по-настоящему самосознающей, будет ли возможно «превратить экономическую естественную силу из правителя человечества в его слугу»?

Заключительные предложения «*Экономического синтеза*» показывают в общих чертах, как Лория представляет себе эту возможность: «Существенное социальное противоречие может быть устранено, экономическое равновесие может быть установлено только посредством глубокой трансформации, затрагивающей не только процесс распределения, но и процесс производства, освобождающей этот последний процесс от принуждения, которое до сих пор окружало его и ограничивало его эффективность; другими словами, посредством уничтожения принудительной ассоциации труда и замены ее свободной ассоциацией труда. В этом заключается высшая цель, к которой должны сходиться все силы социального обновления». И в заключительной сноске он добавляет: «Это теперь понимают все самые просвещенные экономисты, не исключая социалистов, которые указывают, что реформа, которая затрагивает только распределение дохода среди пролетариев, оставляя нетронутым метод, которым этот доход фактически производится, имела бы не более чем крайне ограниченный и мимолетный эффект; и что решительное и прочное социальное обновление должно быть инициировано радикальной метаморфозой в процессе производства».

Теперь нам следует спросить, что Лория считает наиболее важными элементами марксистского учения? В своем обзоре «*Манифеста Коммунистической партии*» (см. ниже [стр. 6–8](#)) он говорит нам, что «это сочинение содержит в себе всю марксистскую систему в миниатюре и... содержит критику всех доктринерских, идеалистических и утопических форм социализма. Таким образом, «*Манифест*» озвучивает два фундаментальных положения марксизма: зависимость экономической эволюции от эволюции средств производства, другими словами от технического *определения экономики*; и вывод политического, морального и идеального порядка из экономического порядка, иными словами, *экономическая детерминация социологии* — или, как мы бы выразились сегодня, исторический материализм».

На [стр. 145 и 146](#) он говорит нам, что мы должны «признать в Марксе высшую заслугу в том, что он был первым, кто ввел эволюционную концепцию в область социологии, первым, кто ввел ее в единственной форме, подходящей для социальных явлений и социальных институтов; не как «непрерывное и постепенное восходящее движение», а как «последовательность вековых циклов, ритмично прерываемых революционными взрывами». Говоря о «мастерском исследовании Марксом последовательных форм технического орудия,

productive machinery," he says that Marx may be termed "the Darwin of technology.... This physiology of industry, which is now the least studied and least appreciated of Marx's scientific labours, nevertheless constitutes his most considerable and most enduring contribution to science."

Loria wrote his *Karl Marx* nearly two years before the publication of William Paul's *The State*, of which pp. 2 to 7, the section on "Man and Tools" is devoted to a restatement of this aspect of Marxism; and the Italian economist is not acquainted with the thought-trend of Walton Newbold.

As far as the young but rapidly growing and vigorous school of British Marxists is concerned, it is certainly no longer true that Marx's work as "the Darwin of technology" is the least studied and least appreciated of Marx's scientific labours.

To the class struggle Loria does not refer at any length in this essay on Karl Marx. We have already seen that he recognises the enormous part the class struggle has played in history; but he has throughout life remained the man of science, the man of the study; he has never entered the arena as what the French term a "militant." In 1904, when the Italian Socialist Party wished him to be socialist parliamentary candidate for Turin, Loria refused on the ground that parliamentary life would interfere with his theoretical studies; and it may be that for these and other reasons he is less keenly impressed than are most left-wing socialists of the profound importance of diffusing among the workers awareness of the class struggle.

Economic determinism has been sufficiently considered in what has gone before. If in the present study Loria says less about it than about some of the other elements of Marxism, this is not because he considers it of minor importance, nor because he accepts it uncritically, but because he has devoted an entire volume to the exposition of this aspect of reality.

It remains, then, to discuss Loria's outlook on the Marxist theory of value. It is here that Lorianism will be most strenuously challenged by those more enthusiastic disciples of Marx who, even if they do not accept the dogma of Marx's infallibility, none the less regard the doctrine of value, based on the labour theory of value, as the very heart of Marxist socialism.

We must remember that it is natural for persons who do not gain their subsistence by applying their labour power to the production of commodities, and whose claim to the title of "workers" will nevertheless hardly be disputed, to question the labour theory of value. Bernard Shaw, for example, in his pamphlet *The Impossibilities of Anarchism*, protests that it is "natural for the [manual] labourer to insist that labour *ought to be* the measure of price, and that the just wage of labour is its average product; but the first lesson he has to learn in economics is that labour is not and never can be the measure of price

производительной машины», он говорит, что Маркса можно назвать «Дарвином техники... Эта физиология промышленности, которая в настоящее время является наименее изученной и наименее оцененной из научных работ Маркса, тем не менее представляет собой его наиболее значительный и наиболее устойчивый вклад в науку».

Лория написал своего «Карла Маркса» почти за два года до публикации труда Уильяма Пола «Государство», в котором на страницах 2–7 раздел «Человек и орудия» посвящен переосмыслению этого аспекта марксизма; и итальянский экономист не знаком с направлением мысли Уолтона Ньюболда.

Что касается молодой, но быстро растущей и энергичной школы британских марксистов, то, безусловно, уже не верно, что труд Маркса как «Дарвина техники» является наименее изученным и наименее оцененным из научных трудов Маркса.

В этом эссе о Карле Марксе Лория не упоминает подробно о классовой борьбе. Мы уже видели, что он осознает огромную роль классовой борьбы в истории; но он на протяжении всей жизни оставался человеком науки, человеком изучения; он никогда не выходил на арену как, по французскому выражению, «борец». В 1904 году, когда Итальянская социалистическая партия хотела, чтобы он был социалистическим кандидатом в парламент от Турина, Лория отказался на том основании, что парламентская жизнь помешает его теоретическим занятиям; и, возможно, по этим и другим причинам он менее остро, чем большинство левых социалистов, осознает глубокую важность распространения среди рабочих осознания классовой борьбы.

Экономический детерминизм был достаточно рассмотрен в том, что было сказано ранее. Если в настоящем исследовании Лория говорит о нем меньше, чем о некоторых других элементах марксизма, то это не потому, что он считает его второстепенным, и не потому, что он принимает его некритически, а потому, что он посвятил целый том изложению этого аспекта реальности.

Итак, остается обсудить взгляд Лория на марксистскую теорию стоимости. Именно здесь лорианизм будет наиболее решительно оспорен теми наиболее восторженными учениками Маркса, которые, даже если они не принимают догмат непогрешимости Маркса, тем не менее считают учение о стоимости, основанное на трудовой теории стоимости, самой сутью марксистского социализма.

Мы должны помнить, что для людей, которые не зарабатывают себе на жизнь, применяя свою рабочую силу к производству товаров, и чьи притязания на звание «рабочих» тем не менее вряд ли будут оспариваться, естественно подвергать сомнению трудовую теорию стоимости. Бернард Шоу, например, в своей брошюре «Невозможности анархизма» протестует против того, что «для [работника физического труда] естественно настаивать на том, что труд *должен быть* мерой цены, а справедливая заработная плата — это его средний продукт; но первый урок, который он должен усвоить в экономике, заключается в том, что труд не является и никогда не может быть мерилom цены в условиях

under a competitive system. Not until the progress of socialism replaces competitive production and distribution with individual greed for its incentive, by collectivist production and distribution with fair play all round for its incentive, will the prices either of labour or of commodities represent their just value."

Leaving Shaw to the tender mercies of the orthodox Marxists who will not be slow to declare that if he means "value" he should not say "price," and that if he thinks that "price" and "value" are interchangeable terms he is not worth powder and shot, and without ourselves venturing to rush into the fray, we may suggest that our propagandists would be less inclined to make the Marxist theory of value an article of faith, "which faith except everyone do keep whole and undefiled without doubt he shall perish everlastingly"—if they could realise that the theory is perhaps no more than a difficult point of abstract economic doctrine which is not essential to the use of the conception of surplus value as a means of making the worker aware of the basic character of capitalist exploitation. Bernstein explains the matter very well in the book previously quoted (p. 35):

"Practical experience shows that in the production and distribution of commodities a part only of the community takes an active share, whilst another part consists of persons who either enjoy an income for services which have no direct relation to the process of production, or have an income without working at all. An essentially greater number of men thus live on the labour of all those engaged in production than are actively engaged in it, and income statistics show that the classes not actively engaged in production appropriate, moreover, a much greater share of the total produced than the ratio of their number to that of the actively producing class. The surplus labour of the latter is an empiric fact, demonstrable by experience, which needs no deductive proof.

Whether the Marxist theory of value be correct or not, is quite immaterial to the proof of surplus labour. It is in this respect no demonstration, but only a means of analysis and illustration."

The professional economist, however, cannot rest content with these loose formulations. Loria feels that there is a void in the Marxist system, and it seems to us (though Loria nowhere tells us so in set terms) that the Lorian doctrine of differentiated income, the most essential part of the Italian economist's teaching, is really an attempt to restate the theory of surplus value in a form absolutely proof against enemy attack. Be this as it may, the conception, however interesting, is far less easy to convey to the uninstructed mind, and it is unlikely, for propaganda purposes, to replace the simple formula of surplus value. But is it not essential that those who undertake to teach socialist economics should themselves fully understand the objections to

конкурентной системы. **Пока прогресс социализма не заменит конкурентное производство и распределение индивидуальной жадностью для его стимулирования на коллективистское производство и распределение с честной игрой вокруг для его стимулирования, цены на труд или товары не будут представлять их справедливую стоимость».**

Оставляя Шоу на милость ортодоксальных марксистов, которые не замедлят заявить, что если он имеет в виду «стоимость», то не должен говорить «цена», и что если он думает, что «цена» и «стоимость» являются взаимозаменяемыми терминами, то он не стоит пороха и выстрелов, и не рискуя сами ввязываться в драку, мы можем предположить, что наши пропагандисты были бы менее склонны делать марксистскую теорию стоимости догматом веры, «которую веру, если только каждый не будет хранить в целости и непорочности, без сомнения, он погибнет навеки», — если бы они могли понять, что эта теория, возможно, не более чем сложный пункт абстрактной экономической доктрины, который не является существенным для использования концепции прибавочной стоимости как средства, заставляющего рабочего осознать основной характер капиталистической эксплуатации. Бернштейн очень хорошо объясняет этот вопрос в ранее цитированной книге (стр. 35):

«Практический опыт показывает, что в производстве и распределении товаров активное участие принимает только часть общества, в то время как другая часть состоит из лиц, которые либо получают доход за услуги, не имеющие прямого отношения к процессу производства, либо имеют доход, вообще не работая. Таким образом, существенно большее число людей живет за счет труда всех тех, кто занят в производстве, чем активно занят в нем, и статистика доходов показывает, что классы, не занятые активно в производстве, присваивают себе, кроме того, гораздо большую долю всего произведенного, чем отношение их численности к численности активно производящего класса. Избыточный труд последнего является эмпирическим фактом, демонстрируемым опытом, который не нуждается в дедуктивном доказательстве.

Правильна ли марксистская теория стоимости или нет, совершенно несущественно для доказательства прибавочного труда. В этом отношении она не является демонстрацией, а лишь средством анализа и иллюстрации».

Однако профессиональный экономист не может довольствоваться этими свободными формулировками. Лория чувствует, что в марксистской системе есть пустота, и **нам кажется (хотя Лория нигде не говорит нам об этом в установленных терминах), что лорианская доктрина дифференцированного дохода, самая существенная часть учения итальянского экономиста, на самом деле является попыткой переформулировать теорию прибавочной стоимости в форме, абсолютно защищенной от вражеского нападения.** Как бы то ни было, эту концепцию, какой бы интересной она ни была, гораздо сложнее донести до неподготовленного ума, и маловероятно, что в пропагандистских целях она заменит простую формулу прибавочной стоимости. Но разве не существенно, чтобы те, кто берется преподавать социалистическую экономику, сами

the Marxist theory of value, and that they should have a clear grasp of Loria's alternative doctrine of the nature of capitalist exploitation?

Let us return, in conclusion, to the Lorian theory of revolution. If we may summarise that theory in colloquial phraseology, it is that, while economic evolution must pave the way for revolution, the final stages of revolution have been effected in the past, and can only be effected in the future, through the co-operation of "disgruntled intellectuals." These are the "unproductive labourers" of Loria's scheme, who have served as hirelings of the master class during the prosperous phase of an economic system: but in the declining phase of that system, when the diminution of income curtails the amount available for these secondary recipients of income, they turn against the primary recipients, their employers, make common cause with the subject class, and give the death-blow to the old order.

This may possibly have been true of the fall of the slave economy, and it may possibly have been true of the fall of the medieval economy; but we do not think it is true that a revolution of the non-proprietary classes under capitalism is "foredoomed to failure" unless these classes secure the support of the unproductive labourers. Their support for a genuinely *proletarian* revolution can hardly be expected, on Loria's own theory. The intellectuals who aided in the overthrow of the slave economy, and the intellectuals who helped to subvert the feudal order and to promote the bourgeois and industrial revolution, did so, says Loria, in order to maintain their position as "recipients of income," to maintain their position as members of a privileged class. What have such as they to gain from a proletarian revolution, which will abolish class, will put an end to exploitation, will do away for ever with the private appropriation of income and surplus value?

We need only turn our eyes eastward to see how such "intellectuals" will hail the revolution of the propertiless. Despite the onslaughts of the capitalist powers, the Russian Socialist Federative Soviet Republic has lived long enough to show the sort of help socialists may expect from the Kerenskys. Men of this calibre, "people whose interests lie in the opposite direction," even if they "are carried away by the new ideas and enter the lists for the new order of things" (Boudin, *The Theoretical System of Karl Marx*, 1918), are aghast when the real revolution comes, and endeavour to lay the red spectre they have helped to conjure up.

In truth, a revolution foredoomed to failure would be that of proletarians who should depend in large measure upon the support of disgruntled intellectuals. A serf's life was on the average better than that of a chattel slave; a wage labourer's life is on the average better than was that of slave or serf. But

полностью понимали возражения против марксистской теории стоимости, и чтобы они имели ясное представление об альтернативной доктрине Лория о природе капиталистической эксплуатации?

Давайте вернемся, в заключение, к теории революции Лория. Если мы можем суммировать эту теорию в разговорной фразеологии, то она заключается в том, что, хотя экономическая эволюция должна прокладывать путь к революции, последние этапы революции были осуществлены в прошлом и могут быть осуществлены только в будущем посредством сотрудничества «недовольных интеллектуалов». Это «непроизводительные рабочие» схемы Лория, которые служили наемниками господствующего класса в течение процветающей фазы экономической системы: но в фазе упадка этой системы, когда уменьшение дохода сокращает сумму, доступную для этих вторичных получателей дохода, они поворачиваются против первичных получателей, своих работодателей, объединяются с подчиненным классом и наносят смертельный удар по старому порядку.

Это, возможно, было верно в отношении падения рабовладельческой экономики, и это, возможно, было верно в отношении падения средневековой экономики; но мы не думаем, что верно, что революция неимущественных классов при капитализме «обречена на провал», если только эти классы не заручатся поддержкой непроизводительных рабочих. Их поддержки подлинно *пролетарской* революции вряд ли можно ожидать, согласно собственной теории Лория. Интеллектуалы, которые помогли свержению рабовладельческой экономики и интеллектуалы, которые помогли ниспровергнуть феодальный порядок и содействовать буржуазной и промышленной революции, делали это, говорит Лория, чтобы сохранить свое положение "получателей дохода", сохранить свое положение членов привилегированного класса. Что могут получить такие, как они, от пролетарской революции, которая уничтожит класс, положит конец эксплуатации, навсегда уничтожит частное присвоение дохода и прибавочной стоимости?

Нам нужно только обратить свой взор на восток, чтобы увидеть, как такие «интеллектуалы» будут приветствовать революцию неимущих. Несмотря на натиск капиталистических держав, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика прожила достаточно долго, чтобы показать, какую помощь социалисты могут ожидать от Керенских. Люди такого калибра, «люди, чьи интересы лежат в противоположном направлении», даже если они «увлечены новыми идеями и вступают в списки за новый порядок вещей» (Буден, *Теоретическая система Карла Маркса*, 1918), приходят в ужас, когда наступает настоящая революция, и пытаются уничтожить красный призрак, который они помогли вызвать.

По правде говоря, революция, заранее обреченная на провал, была бы революцией пролетариев, которые в большой степени зависели бы от поддержки недовольных интеллектуалов. Жизнь крепостного была в среднем лучше, чем жизнь раба; жизнь наемного рабочего в среднем лучше, чем жизнь раба или крепостного. Но ни замена рабства феодализмом, ни замена феодализма

neither the replacement of slavery by feudalism, nor the replacement of feudalism by capitalism, secured the emancipation of labour in any adequate sense of that term. All that a proletarian revolution carried through with the help of middle-class intellectuals is likely to bring about is some form of Fabian collectivism or state capitalism—in a word, the servile state. As far as the *productive* labourers are concerned the revolution would be a sham. The form of the state might be revolutionised, but the authoritative state would endure, and production would be effected, not by the free, but by the coercive association of labour.

What Loria has failed to recognise is that the conditions of the problem are now radically changed. As he says, in the old revolutions the rebels were divided and disorganised, were not sure of themselves, and were uncertain of the ends they would attain. As far as the workers were concerned, revolt only was possible, not revolution. It is otherwise to-day; and still more will it be otherwise the day after to-morrow. Thanks to the new forms of organisation now being worked out: thanks to industrial unionism and the growth of the workers committees and shop stewards movements; and thanks above all to independent working class education, which is forging the new weapons and simultaneously teaching the workers how to use them, which is fashioning the limbs of the co-operative commonwealth within the womb of the capitalist order— thanks to all these things, the workers of the day after to-morrow need not put their trust in the frail reed of the support of intellectuals. Once more we raise the Marxist slogan and cry: "The emancipation of the workers must be the work of the workers themselves."

And if we modify another Marxist watchword, quoted on [p. 154](#) below, that force is the midwife of every old society pregnant with a new one, it is only to say that, while we do not repudiate force (which the skilled accoucheur ever has in reserve), new times bring new methods. The self- educated workers of the future may have no occasion to use force, and certainly need not await the aid of Loria's unproductive labourers. For the day draws nigh, and on that day the workers will achieve their own salvation. They will achieve the salvation of all the workers, and indeed of all the world of man; but it will not be all the workers that will actively participate. No more will be possible than that there should be a considerable minority of educated workers. A minority they must inevitably remain until after the social revolution; but a little leaven can leaven a large lump. The midwife of revolution is not force but—independent working class education.

In a word, the "dynamogenic function" of which Loria speaks (infra [pp. 159 and 160](#)), attaches not to poverty but to slavery. The poor have seldom failed to realise their poverty, and poverty when extreme has at times led to revolt; but it is the new realisation of the *slavery* of wagedom that is organising the

капитализмом не обеспечили освобождения труда в каком-либо адекватном смысле этого термина. **Все, что пролетарская революция, осуществленная с помощью интеллектуалов среднего класса, вероятно, принесет, это некая форма фабианского коллективизма или государственного капитализма — одним словом, рабское государство.** Что касается *производительных* рабочих, то революция была бы фикцией. Форма государства могла бы быть революционизирована, но авторитарное государство сохранилось бы, и производство осуществлялось бы не свободным, а принудительным объединением труда.

Лория не сумел осознать, что условия проблемы теперь радикально изменились. Как он говорит, в старых революциях мятежники были разобщены и дезорганизованы, не были уверены в себе и не были уверены в целях, которых они достигнут. Что касается рабочих, то был возможен только мятеж, а не революция. Сегодня все иначе; и еще больше все будет иначе послезавтра. Благодаря новым формам организации, которые сейчас разрабатываются: благодаря промышленному профсоюзному движению и росту рабочих комитетов и профсоюзных представителей; и, прежде всего, благодаря независимому образованию рабочего класса, которое создает новое оружие и одновременно учит рабочих, как им пользоваться, которое формирует члены кооперативного содружества в утробе капиталистического порядка — благодаря всему этому, рабочие послезавтрашнего дня не должны полагаться на хрупкую опору интеллектуалов. Мы вновь поднимаем марксистский лозунг и восклицаем: «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

И если мы изменим другой марксистский лозунг, процитированный на [стр. 154](#) ниже, что сила является повивальной бабкой каждого старого общества, беременного новым, то это будет означать только то, что, хотя мы не отвергаем силу (которую искусный акушер всегда имеет в запасе), новые времена приносят новые методы. Самообразованные рабочие будущего, возможно, не будут иметь повода применять силу, и, конечно, им не нужно ждать помощи непроизводительных рабочих Лория. Ибо день приближается, и в этот день рабочие добьются своего собственного спасения. Они добьются спасения всех рабочих и, по сути, всего человеческого мира; но не все рабочие будут активно участвовать. Не будет возможным ничего большего, чем то, что будет значительное меньшинство образованных рабочих. До социальной революции они неизбежно останутся в меньшинстве, но небольшая закваска может заквасить большой кусок теста. Повивальная бабка революции — не сила, а — независимое рабочее образование.

Одним словом, «динамогеническая функция», о которой говорит Лория (см. ниже [с. 159 и 160](#)), относится не к бедности, а к рабству. Бедные редко не осознавали свою бедность, а крайняя бедность порой приводила к восстанию; но именно новое осознание рабства *наемного* труда организует рабочих для

workers for the social revolution. By means of Marxist education "the proletarian is breaking his chains and entering upon an era of conscious and glorious freedom."

Do we seem to imply that there is no place in our movement for middle-class intellectuals? Such is not our meaning. They have played in the past a rôle of supreme importance, and may still have a notable part to play in the future. But the intellectuals for whom there is a place are not the kind of intellectuals described in Loria's theory of revolution, and the rôle of the intellectual is no longer the one which he assigns. It is not those intellectuals who are dissatisfied with their reallotment of income, not those who are discontented with their ration of loaves and fishes, not those who sigh for the vanishing cakes and ale, who will help the coming of the definitive social revolution. Rarely indeed, too, is the function of the socialist intellectual the function of leadership. To an increasing extent, under the new conditions, he tends to be no more than the fifth wheel of the revolutionary coach.

The right sort of intellectual had a function in the past; it was to help the workers to overcome their division and disorganisation, to help them to be sure of themselves, to help them to clear views of the ends they must attain. That work is afoot. The ferment has been created: created by such men as Marx, whose abilities would have secured him ease, comfort, wealth, had he made his peace with bourgeoisdom, but who was a revolutionist by deliberate choice; by such men as Engels, a well-to-do manufacturer; by such men as Loria himself, a university professor; by such men as the American, Scott Nearing, who recently forfeited his academic position because he would not keep the class struggle out of his lectures on economics. Can it be said that men like Herzen, Bakunin, and Kropotkin, have been, or that men like Trotzky and Lenin are, the disgruntled intellectuals of Loria's theory of revolution?

Quite apart from leadership under such peculiar conditions as obtain in Russia, there is work for socialist intellectuals, the work of promoting independent working-class education, the work of assisting in the spread of the ferment generated by the writings of earlier revolutionary thinkers.

Our conviction that we ourselves, declassed bourgeois, have a modest function, that though not part of the team, not even spokes of a fifth wheel, we may at least help to complete the outfit as little dogs under the waggon, is witnessed by our translation of Achille Loria's monograph on Karl Marx.

Eden and Cedar Paul. London,
The Centenary of Karl Marx.

социальной революции. Благодаря марксистскому образованию «пролетарий разрывает свои цепи и вступает в эпоху сознательной и славной свободы».

Неужели мы, кажется, подразумеваем, что в нашем движении нет места для интеллектуалов среднего класса? Это не то, что мы имеем в виду. Они играли в прошлом роль первостепенной важности и, возможно, будут играть заметную роль в будущем. Но интеллектуалы, для которых есть место, — это не те интеллектуалы, которые описаны в теории революции Лория, и роль интеллектуала больше не та, которую он им отводит. Это не те интеллектуалы, которые недовольны перераспределением своих доходов, не те, кто недоволен своим пайком хлебов и рыб, не те, кто вздыхает по исчезающим пирожным и элю, которые помогут наступлению окончательной социальной революции. Действительно, редко также функция социалистического интеллектуала — функция лидерства. В новых условиях он все больше становится не более чем пятым колесом революционной кареты.

Правильный тип интеллектуала имел функцию в прошлом; он должен был помочь рабочим преодолеть их разделение и дезорганизацию, помочь им обрести уверенность в себе, помочь им ясно увидеть цели, которых они должны достичь. Эта работа идет. Брожение было создано: создано такими людьми, как Маркс, чьи способности обеспечили бы ему покой, комфорт, богатство, если бы он заключил мир с буржуазией, но который был революционером по осознанному выбору; такими людьми, как Энгельс, преуспевающий фабрикант; такими людьми, как сам Лория, профессор университета; такими людьми, как американец Скотт Ниринг, который недавно лишился своего академического положения, потому что он не хотел исключать классовую борьбу из своих лекций по экономике. Можно ли сказать, что такие люди, как Герцен, Бакунин и Кропоткин, были или такие люди, как Троцкий и Ленин, являются недовольными интеллектуалами теории революции Лория? Помимо лидерства в таких особых условиях, как в России, у социалистических интеллектуалов есть еще одна задача — содействовать развитию независимого образования рабочего класса и распространению идей, зародившихся в трудах ранних революционных мыслителей.

Наше убеждение в том, что мы сами, деклассированные буржуа, имеем скромную функцию, что, хотя мы и не являемся частью упряжки, даже не спицами пятого колеса, мы, по крайней мере, можем помочь дополнить ее как маленькие собачки под телегой, подтверждается нашим переводом монографии Акилле Лория о Карле Марксе.

Эден и Сидар Пол. Лондон,
Столетие со дня рождения Карла Маркса.